

О. А. Скуридин

**Могильные сооружения периода античности (VII-IV вв. до н.э.),
как символ высочайшего патриотизма**

Рассматривается эволюция памятников, в честь погибших на войне – могильных сооружений, их место в эллинской культуре поздней архаики и классики (VII – IV вв. до н.э.), как символа наивысшего проявления патриотизма. Для рассмотрения используются упоминания о них в трудах античных авторов.

Ключевые слова: развитие, памятники, могильные сооружения, символ, патриотизм, античные авторы.

Актуальность проблемы. Могильные сооружения (могилы, братские могилы, кенотафы) полководцев и простых воинов античности – не сохранились до нашего времени. В произведениях античных авторов встречаются многочисленные упоминания об этих памятниках. Как правило, это лишь небольшие заметки, вплетенные в канву исторического повествования (в произведениях Геродота, Ксенофонта и др.). В немногочисленных сохранившихся описаниях путешествий по историческим местам эти памятники занимают центральное место (например, произведение Павсания «Описание Эллады»). Военные могильные сооружения упоминаются также в художественной литературе, речах ораторов, где им отведено место морально-нравственного символа. Этот тип памятников играл большую роль в мировосприятии античного человека, одной из главных жизненных ролей которого была роль защитника своего полиса. Наивысшей наградой для погибших за отечество на поле боя было захоронение за государственный счет с сооружением надгробия.

Поясним последнее положение примером. Геродот (около 485 – 425 гг. до н.э.) передает рассказ об уроке эллинских полисных добродетелей, который дал Солон (около 640 – 559 гг. до н.э.) лидийскому царю Крезу. По мнению Солона, почтить памятником и гробницей за общественный счет следует

человека, на протяжении всей жизни проявлявшему гражданские добродетели: почтение к родителям, почитание отечественных богов и погибшего в бою за свой полис. Таковым, согласно Солону, был афинянин Телл: «Этот Телл жил в цветущее время родного города, у него были прекрасные и благородные сыновья, и ему довелось увидеть, как у всех них родились и остались в живых дети. Это был, по нашим понятиям зажиточный человек. К тому же ему была суждена славная кончина. Во время войны афинян с соседями он выступил в поход и при Элевсине обратил врагов в бегство, но и сам пал доблестной смертью. Афиняне же устроили ему погребение на государственный счет на месте гибели, оказав этим высокую честь» [4, с. 43].

Целью данной статьи является исследование развития памятников – могильных сооружений в честь погибших на войне, как символа наивысшего проявления патриотизма в периоды поздней архаики и классики (VII – IV вв. до н.э.). Полученные результаты помогут оценить место, которое занимал этот тип памятников в истории античной культуры, а также глубже понять сущность античного патриотизма. *Актуальность* исследования связана с возможностью уяснения важной культурологической проблемы: формирование современного европейского представления о могильных сооружениях как символа современного патриотизма.

Анализ публикаций. Могильные сооружения в честь павших на поле брани, став символом патриотизма для эллинского сознания, прошли большой путь развития: от возникновения эллинского полиса и полисного самосознания в период поздней архаики (VII-V вв. до н.э.) до побед в борьбе за независимость во время персидского нашествия, войн за гегемонию между ведущими греческими полисами в период классики (V-IV вв. до н.э.). Сведения о воинских могильных сооружениях предыдущих исторических эпох носят полулегендарный характер. В эпоху эллинизма (последняя треть IV в. до н.э. – I в. до н.э.) и римскую эпоху (I в. до н.э. – V в. н.э.) соревнование в гражданских добродетелях, характерное для греческой демократии, ушло в прошлое. Главную роль в эллинской политике последних двух исторических эпох играют

эллинистические цари, затем римская республика и империя, поэтому важными эпохами для исследования поставленной проблемы являются периоды поздней архаики и классики.

Память о павших в боях за родной полис была особо чтима, начиная с эпохи поздней архаики, когда зарождалось полисное мировоззрение. Это зафиксировано в памятниках философской мысли. Например, в сохранившемся фрагменте произведения Гераклита Эфесского (конец 540-х – конец 480-х гг. до н.э.) сказано: «Павших на войне боги почитают и люди...» [6, с. 43].

Такое отношение характерно и для последнего пристанища погибших воинов – братских могил. Например, путешественник Павсаний (II в. н.э.) упоминает о том, как среди достопримечательностей Орхомена показывали братские могилы воинов, хотя в какой войне они полегли, уже никто не помнил [8, с. 239].

Часто братские могилы становились предметом религиозного почитания со стороны благодарных сограждан [8, с. 261]. Павсаний повествует о том, что мегарцы устроили братскую могилу, погибших при персидском нашествии внутри здания городского Совета, чтобы мертвые «давали добрые советы» [8, с. 41].

Могилы известных полководцев также были предметом гордости сограждан и их потомков.

Павсанию показывали могилу ставшего уже полулегендарным аркадского царя Аристократа (вторая половина VII в. до н.э.), предводителя аркадцев во II Мессенской войне (около 650-620 гг. до н.э.) [8, с. 239].

В эпоху поздней архаики нормой было почтение к памяти даже вражеского полководца. Геродот пишет, что в окрестностях Афин (близ храма Геракла, что в Киносарге) показывали могилу спартанского полководца Анхимолия, сына Астера, возглавившего неудачный поход (конец VI в. до н.э.) с целью изгнания Писистратидов из города, начатый под предлогом веления Пифийского оракула [2, с. 239-240].

Во времена Павсания, путешественник мог осмотреть афинский некрополь, где было похоронено много известных полководцев. Здесь же были братские могилы граждан, погибших за свой полис, исключая тех, кто сражался при Марафоне (490 г. до н.э.) [10, с. 28-29]. Демосфен (около 384-322 гг. до н.э.) в одной из своих речей, желая привести пример патриотизма после поражения в Херонейской битве (338 г. до н.э.) с пафосом, упоминает об этих могилах на городском кладбище: «...Нет, не ошиблись вы, граждане афиняне, пойдя на опасное дело ради общей свободы и спасения, – да будут свидетелями тому предки ваши, не устранившиеся при Марафоне, державшие строй при Платеях, бившиеся на кораблях при Саламине и Артемисии и во многих иных битвах испытанные! Прах этих доблестных мужей покоится на городском нашем кладбище, и всех их удостоил город почетного погребения...» [7, с. 256-257].

Приведенный отрывок показывает, с каким почтением относились афиняне эпохи классики к могилам, погибших за родной полис и за общеэллинскую свободу, поэтому в речи оратора они использованы как непререкаемый нравственный символ. Отношение гражданина эллинского полиса времен зрелой классики к памяти погибших в бою за отечество было осмыслено философами. Например, Сократ (469-399 гг. до н.э.) в одном из диалогов, приписываемых Платону (428-348/7 гг. до н.э.), говорит по этому поводу: «...мне кажется прекрасный удел – пасть на войне» [9, с. 96].

Не удивительно, что Фукидид (около 470 – около 400 гг. до н.э.) подробно описывает похороны погибших в первый год Пелопоннесской войны (431 г. до н.э.): «Павших погребают в государственной гробнице, находящейся в красивейшем предместье города. Здесь афиняне всегда хоронят погибших в бою, за единственным исключением павших при Марафоне, которым был воздвигнут могильный курган на самом поле битвы как дань их величайшей доблести» [4, с. 302].

Павшие за общеэллинскую свободу удостоивались особых почестей не только со стороны сограждан, но и всех греков. Братские могилы воинов-

граждан, могилы стратегов, остановивших варварское нашествие, были овеяны неувядающей славой.

Братские могилы афинян, платейцев и рабов, а также могилу полководца Мильтиада (около 550 – 488 гг. до н.э.) видел Павсаний на Марафонском поле, на каждой из них стояли стелы с именами погибших и названием фил, из которых они происходили [8, с. 32]. Даже во II в. н.э. эти могилы почитались с благоговейным трепетом: «Марафоняне почитают тех, кто пал в этой битве, называя их героями» [8, с. 32].

Простые афиняне, из поколения, отразившего персидское нашествие, очень гордились победой при Марафоне (490 г. до н.э.). Драматург Эсхил (525-456 гг. до н.э.) повелел написать на своей гробнице, расположенной у марафонского леса, только свое имя, имя отца и название города, считая, что «свидетелями своей храбрости он имеет марафонский лес и мидян, отступивших туда» [8, с. 15]. Грамматик Афиней (конец II – начало III вв. н.э.) приводит текст этой эпитафии:

Мужество помнят его Марафонская роща и племя

Пышноволосях мидян, в битве узнавших его [1, с. 693].

Во времена Геродота на месте подвига трехсот спартанцев во главе с царем Леонидом (царь Спарты 488-480 гг. до н.э.) при Фермопилах (480 г. до н.э.) уже был воздвигнут надгробный памятник. Поставлен каменный лев, вырезана надпись, прославлявшая всех воинов, спартанцев отдельно, а также гадателя Мегистия. Автором надписи считался известный поэт Симонид Кеосский (556-468 гг. до н.э.).

Вот как «отец истории» описывает этот памятник: «Погребены же они на том месте, где они пали. Им и павшим еще до того, как Леонид отпустил союзников, поставлен там камень с надписью, гласящей:

Против трехсот мириад здесь некогда бились

Пелопонесских мужей сорок лишь сотен всего.

Эта надпись начертана в честь всех павших воинов, а лакедемонянам особая:

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне,

Что их заветы блюдя, здесь мы костями полегли.

Эта надпись в честь лакедемонян, а прорицателю вот такая:

Славного это могила, коего миды

Некогда тут умертвили, бурный Сперхей перейдя.

Ведал прославленный гадалец грядущую верную гибель,

Но все же не захотел Спарты покинуть царя.

Этими надписям и памятным столпам, кроме надписи в честь прорицателя, почтили павших амфикионы. Надпись же в честь прорицателя Мегистия посвятил ему Симонид, сын Леопрепея, в память о дружбе» [2, с. 197-198].

Необходимо заметить, что в приведенных эпитафиях Симонида Кеосского звучат не только мотивы защиты родного полиса, но и защиты всей Эллады от варваров. Здесь мы видим развитие идеала полисного гражданина – от защитника родного города – до защитника всей Эллады. Именно последний смысл был воспринят потомками, которые превратили этот памятник в место паломничества. Например, путешественник Павсаний, побывавший в Фермопилах во II в. н.э., считает, что подвиг царя Леонида является самым великим событием в эллинской истории [8, с. 84].

Восхищение перед мужеством Леонида и спартанцев, павших с ним, было характерно даже для бродячих философов начала новой эры, считавших себя киниками и пифагорейцами, всегда высказывавшими неофициальную и нетрадиционную для античного общества точку зрения. Примером этому может служить рассказ Флавия Филострата (около 170-247 гг. н.э.) о жизни философа и чародея Аполлония Тианского (I в. н.э.): «...Надгробие Леонида Спартанского Аполлоний только что не лобызал – столь велико было его восхищение этим мужем. Затем он пришел к холму, где, по рассказам, покоятся лакедемоняне, погребенные под персидскими стрелами, и тут услышал, как спутники его спорят, которая высота в Элладе высочайшая – а поводом для спора был видный с того места Этейский хребет. Тогда, взойдя на спартанский

курган, Аполлоний воскликнул: «Что до меня, я почитаю высочайшей вот эту высоту, ибо павшие здесь за свободу возвысили сей холм вровень с Этой и вознесли его выше многих Олимпов! Поистине я восхищаюсь этими мужами...» [12, с. 83].

В Спарте, на запад от главной площади, показывали могилу Леонида, перенесенную царем Павсанием (около 510-468 гг. до н.э.) из-под Фермопил сорок лет спустя. Он лежал рядом с равными ему по славе царем Павсанием и полководцем Брасидом (кенотаф), там же была доска, на которой были увековечены имена спартанцев, павших при Фермопилах, с именами их отцов [8, с. 93].

Возвести братскую могилу павшим за общеэллинскую свободу, считалось честью для каждой общины. Примером, подтверждающим высокое нравственное значения этих военных памятников, было стремление соорудить символические могилы, проявляющееся у тех общин, которые не принимали участия в битве при Платеях (479 г. до н.э.). Геродот, описывая поле битвы при Платеях, не пропустил этого факта: «Что же касается могил прочих эллинов, которые еще можно видеть у Платей, то это, как я узнал, – пустые курганы (эти курганы насыпали отдельные эллинские города, стыдясь перед потомством своего неучастия в битве). Есть там и так называемая могила эгинцев, которую даже спустя десять лет после битвы насыпал по их просьбе гостеприимец эгинцев Клеад, сын Автодика из Платей» [2, с. 425].

Павсаний, посетивший поле битвы при Платеях во II в. н.э., когда некогда соперничавшие между собой эллинскими общины давно покорились римской власти, а межполисные противоречия сгладились, описывает всего три братские могилы: «Для всех остальных эллинов есть одна общая могила, для лакедемонян же и афинян, павших в этом бою, есть специальные могилы и на них надписи, составленные Симонидом в элегическом размере» [8, с. 274]. Отметим, что еще во времена Павсания победа при Платеях прочно ассоциировалась с победой в борьбе за свободу. Он упоминает, что недалеко от общей могилы эллинов стоит статуя из белого мрамора и жертвенник Зевса

Элевтерия (Освободителя), также каждые четыре года на пятый Элевтерии (Праздник освобождения) [8, с. 274].

Полководцы, руководившие войной с персами, удостоились захоронения и надгробных памятников, которые почитались даже несколько столетий спустя. В римский период, когда эллинские полисы утратили свободу, показывали две могилы стратега Фемистокла: одну – в Азии, в Магнезии, где он умер, находясь на службе у персидского царя, другую – в Аттике, на одном из мысов Пирея, которую можно было видеть только со стороны моря [10, с. 244], [5, с. 20]. Могилу, воздвигнутую в окрестностях Афин, описывает Плутарх, ссылаясь на несохранившееся сочинение Диодора Путешественника (конец IV в. до н.э.) «О памятниках»: «...у большой Пирейской гавани, на мысе, лежащим против Алкима, выдается в море выступ, похожий на локоть; если обогнуть его с внутренней стороны, то в месте, где море довольно покойно, есть большая площадка и на ней сооружение в форме алтаря – гробница Фемистокла» [10, с. 244].

Историк Фукидид (около 460 – около 400 гг. до н.э.), живший поколением позже Фемистокла, знает только одну его могилу: «Останки Фемистокла, как говорят, были его близкими тайно преданы земле в Аттике: открыто его нельзя было похоронить в родной земле, так как он был изгнан за измену» [4, с. 278]. Эту же легенду передает и Павсаний [8, с. 3]. Надгробие близ Афин появилось, позже, когда политические страсти вокруг личности Фемистокла утихли, а роль его личности в победе над персами объективно оценена.

По свидетельству Плутарха, в его время показывали несколько мест захоронения полководца Кимона (504-449 гг. до н.э.), сына Мильтиада, причем в Китии, на Кипре, где он погиб, афинскому полководцу воздавались почести как герою [11, с. 106].

Заметим, что в эпоху поздней архаики самыми распространенными воинскими памятниками были братские могилы. Причиной этому было то, что роль личности в рассматриваемый период времени, умышленно принижалась в пользу полисного коллектива.

Перикл (493-429 гг. до н.э.) в надгробной речи в честь афинян, павших в первый год Пелопоннесской войны (в передаче Фукидида, вероятнее всего составленной им и приписанной Периклу), в частности, сказал: «Ведь гробница доблестных – вся земля», и не только в родной земле надписями на надгробных стелах запечатлена память о их славе, но и на чужбине также сохраняются в живой памяти людей если не сами подвиги, то их мужество» [4, с. 307].

Здесь видно желание афинского стратега воздействовать на граждан примером героической кончины воинов, павших за отечество. Однако, в отличие от борьбы за свободу с варварами во время Греко-персидских войн, Пелопоннесская война (431-404 гг. до н.э.) велась с целью гегемонии над Элладой между афинянами и спартанцами, вовлекая в свою орбиту союзников обеих сторон. Борьбой за гегемонию продиктованы и последующие войны эпохи классики, они воспринимались как братоубийственное кровопролитие, губящее Элладу. Например, Плутарх пишет об этом так: «...за исключением Марафонской битвы, морского сражения при Саламине, Платей, Фермопил, побед Кимона при Эвримедонте и близ Кипра, Греция во всех сражениях воевала сама с собою, за собственное рабство, и любой из ее трофеев может служить памятником ее беды и позора, потому что своим упадком она обязана главным образом низости и соперничеству своих вождей» [10, с. 457-458]. Отметим, что войны между полисами за гегемонию охарактеризованы античным морализатором как поле борьбы честолюбивых полководцев, следствием чему стал рост роли личности в общественном сознании. Поэтому мы находим много больше упоминаний о могилах стратегов в период классики, чем предыдущий период.

Выше мы упоминали о кенотафе спартанского полководца Брасида (погиб в 422 г. до н.э.); его настоящая гробница располагалась в городе Амфиполе, вблизи которого погиб этот спартанский полководец. Вскоре горожане стали приносить ему заупокойные жертвы [4, с. 353].

Лисандра (около 450- 394 г. до н.э.) похоронили на месте гибели, у города Галиарта, Павсанию показывали могилу этого великого спартанского полководца [8, с. 297].

Павсаний описывает могильный памятник великому фиванскому полководцу Эпаминонду, погибшему во время битвы при Манинее (362 г. до н.э.) и похороненного там: «На его могиле стоит колонна, а на ней – щит с рельефным изображением дракона. Этот дракон должен обозначать, что Эпаминонд был из рода так называемых Спартов. На могиле – две стелы: одна древняя, с надписью на беотийском наречии, другую же посвятил император Адриан и тоже сделал на ней надпись» [8, с. 237-238]. Здесь мы имеем любопытное описание надгробия фиванского стратега – колонна со щитом, стелы с эпитафиями – отражают профессиональную принадлежность, высокие достижения общеэллинского масштаба, о которых Павсаний пишет далее [8, с. 238]. Дракон на щите, символ его рода – дань традиции полисной обособленности.

Могильный памятник и храм за проявленную храбрость на поле битвы при Мантинее, сограждане-мантинейцы поставили своему герою Подару [8, с. 236].

Братские могилы времени конца классической эпохи и начала эллинизма столетиями сохранялись в исторической памяти как напоминание об утраченной свободе. В Фивах показывали братскую могилу граждан, павших в борьбе с Александром (335 г. до н.э.) [8, с. 279]. Херонеец Плутарх, несомненно, хорошо знал окрестности своего родного города, слышал легенды связанные с ним. Он сообщает, что еще в его время показывали могилы македонян, погибших в Херонейской битве (338 г. до н.э.): «...И в наши дни показывают старый дуб у реки Кефиса – так называемый дуб Александра, возле которого стояла его палатка; неподалеку находятся могилы македонян» [11, с. 368].

На братских могилах часто сооружали надгробные памятники-скульптуры, вырезались эпитафии. Символом мужества в бою, как упомянуто выше, были статуи льва.

Подобная статуя была воздвигнута на братской могиле спартанцев, погибших при Фермопилах (480 г. до н.э.), фиванцев – в битве с Филиппом Македонским (война между Фивами и Филиппом Македонским – 357-346 гг. до н.э.). Если изображение льва на первой считалось не только символом мужества, но и залогом будущей победы над персами, имела три надписи, то вторая, согласно Павсанию, не имела надписи: «...надписи, думаю, нет потому, что судьба, посланная им божеством, не соответствовала их решимости» [8, с. 305].

После Херонейской битвы (338 г. до н.э.), изменившей судьбу Эллады, был поставлен надгробный памятник – статуя льва, на постаменте которого вырезана надпись.

В одной из своих речей Демосфен, желая устыдить своего политического противника Эсхина (389 – 314 гг. до н.э.), обращается к нему, заставляя прочесть текст этой эпитафии: «Но прочитай вот эту эпиграмму, которую государство решило всенародно написать в честь них: даже в ней самой ты, Эсхин, узнаешь, какой ты – бесчувственный, какой сикофант и нечестивец. Читай.

*Мужи сии на защиту отчизны с оружием встали
И, ополчились на брань, дерзость смирили врагов.
Но, хоть и доблестно бились, не ведая страха, а жизни
Не сохранили: Аид общей судьбою им стал.
Бились за греков они, чтоб на шею ярма не надели
И не несли на себе гнусного рабства позор.
Здесь после многих страданий родная земля в своем лоне
Скрыла их прах: так судил смертным владыка Зевес.
Бедствий не знать и во всем успевать на то божия воля
В жизни людей, а судьбы им не дано избежать» [7, с. 273].*

До нас дошел обломок этого памятника с фрагментом надписи, высеченной на нем, наиболее вероятно она воспроизводила эпиграмму, сохранившуюся в «Палатинской антологии»:

*Время, всевидящий бог, все дела созерцающий смертных,
Вестником наших страстей будь перед всеми людьми,
Как мы старались спасти эту землю святую Эллады,
Пали на славных полях здесь в Беотийской земле [3, с. 577].*

Заметим, что в обеих эпитафиях отражена идея борьбы за эллинскую свободу, прекрасный удел павших за нее. Здесь, на надгробии павших за общеэллинское дело, зафиксирован последний пример свободного проявления эллинских полисных добродетелей.

Кенотафы – символические могилы – были довольно распространенным явлением в эллинском мире.

В греческой повести начала II в. н.э. описано сооружение на чужбине такого кенотафа одному из главных героев, для чего выбиралось место, где памятник могут часто видеть его соотечественники. В этой повести отмечалось: «... существует ведь у греков древний обычай даже и пропавших без вести почитать могилой» [13, с. 71].

Кенотафы ставились при любой, военной обстановке. Даже окруженные врагами-варварами эллины не забывали похоронить убитых воинов в братских могилах, пропавшим без вести – ставили кенотафы. Ксенофонт, описывая поход 10 тыс. греков в глубине Азии (401-400 гг. до н.э.), особо останавливает свое внимание на таких случаях [5, с. 350, 353].

С началом эпохи эллинизма самостоятельная политическая жизнь полисов затухает, проявления патриотизма становятся редкостью. Могила воина является теперь честью дарованной царем, за которого он пал.

Выводы. Военные могильные сооружения (могилы, братские могилы, кенотафы) играли огромную роль в жизни обитателя античного полиса периода поздней архаики и классики (VII-IV вв. до н.э.), с ними было связано чувство эллинского самосознания и патриотизма, символами которого они являлись.

Данные чувства зародились и свободно развивались в эти исторические эпохи. К сожалению, ни один из военных памятников данного вида не сохранился до нашего времени, этот пробел можно заполнить, используя сведения о них у античных авторов. Военные могильные сооружения, бесспорно, являлись наивысшим способом увековечения памяти павших героев, какие только знала античность, потому что умереть за свой полис и, особенно, за всю Элладу, считалось величайшей честью в глазах как современников, так и потомков. При этом нами было отмечено, что в период поздней архаики преобладали братские могилы, потому что роль полководца сознательно принижалась в пользу полисного коллектива. В период классики символом патриотизма все больше становятся могилы великих полководцев. Но особую роль играли могилы погибших за эллинскую свободу во время персидского нашествия, эти памятники стали символами эллинского единства и общеэллинского патриотизма.

Литература

1. Афиней. Пир мудрецов : в 15 книгах [Электронный ресурс] / [пер. Н. Т. Голинкевича; комм. М. Г. Витковской, А. А. Григорьевой, Е. С. Иванюк, О. Л. Левинской, Б. М. Никольского, И. В. Рыбаковой]; отв. ред. М. Л. Гаспаров. — М. : Наука, 2003. — Режим доступа : <http://lib.anwap.org/read/7546>.
2. Геродот. История / Геродот; [пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского]. — М. : История : ОЛМА-ПРЕСС Инвест; 2004. — 435 с.
3. Демосфен. Речи / Демосфен; [пер. древнегреч., статья и примеч. С. И. Радцига]. — М. : Издательство АН СССР, 1954. — 577 с.
4. Историки античности. Т. 1. Древняя Греция / [пер. с древнегреч./ сост., вступ. ст. и примеч. М. Томашевской]. — М. : Правда, 1989. — 624, [1] с.
5. Историки Греции / [сост. и предисл. Т. Миллер; примеч. М. Гаспарова и Т. Миллер]. — М. : Художественная литература, 1976. — 430 с.

6. Материалисты древней Греции / Сост., вступ. ст., коммент. М. А. Дынник; пер. с древнегреч. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. — 243 с.
7. Ораторы Греции / Сост. и науч. подгот. текстов М. Гаспарова; Вступ. статья В. Боруховича; коммент. И. Ковалевой и О. Левинской; пер. с древнегреч. — М. : Художественная литература, 1985. — 495 с.
8. Павсаний. Описание Эллады : в 2 т. / Павсаний; [пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева]. — М. : АСТ-Пресс, 2002 [Электронный ресурс]. — Режим поиска : <http://www.e-reading.biz/book.php?book=132488>.
9. Платон. Диалоги / Платон; [пер. с древнегреч.; Сост., ред. и авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев; Авт. примеч. А. А. Тахо-Годи]. — М. : Мысль, 1986. — 607 с.
10. Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 1. / Плутарх [сост., вступ. ст., прим. М. Томашевской]; пер. с древнегреч. — М. : Правда, 1986. — 592 [1] с.
11. Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2. / Плутарх [сост., вступ. ст., прим. М. Томашевской]; пер. с древнегреч. — М. : Правда, 1986. — 592 [2] с.
12. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / Флавий Филострат; пер. с древнегреч. Е. Г. Рабинович. — М. : Наука, 1985. — 328 с.
13. Харитон. Повесть у любви Херея и Каллирой / Харитон; пер. с древнегреч. и коммент. академика И. И. Толстого. — М.-Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1959. — 200 с.

Розглядається розвиток пам'ятників на честь загиблих на війні – могильних споруд, їх місця в еллінській культурі в періоди пізньої архаїки та класики (VII-IV ст. до н.е.), як символу найвищої прояви патріотизму. Для розгляду використовуються згадки про них в працях античних авторів.

Ключеві слова: *розвиток, пам'ятники, могильні споруди, символ, патріотизм, античні автори.*

Examines development the monuments, in honor of those killed in the war – are grave buildings, their place in a Hellenic culture in late archaic and classical periods (VII- IV century B.C.) as a symbol of the greatest display of patriotism. To review the references to them are used in the works of ancient authors.

Key words: *development, monuments, grave buildings, symbol, patriotism, ancient authors*